

Т.К. ХОЛМАТОВ

## КЛАССИКАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО<sup>1</sup>

---

С опорой на три критерия научной классики, предложенные И.М. Савельевой и А.В. Полегаевым, в статье проанализированы факторы отнесения научных трудов историка С.Б. Веселовского (1876–1952) к классическим. На основе наукометрической базы данных Google Scholar (Академия Google) выявлена динамика и характер обращения исследователей к трудам С.Б. Веселовского. Рассмотрены причины становления его научных трудов в качестве классических: внутренние (научный дискурс исследователя) и внешние (обстоятельства публикации научного наследия с 1960-х гг.; актуализация работ в советской и постсоветской историографии). Отдельное внимание уделено восприятию научного наследия и личности С.Б. Веселовского в памяти историков советской эпохи.

**Ключевые слова:** С.Б. Веселовский, классика, классикализация, историография, генеалогия, рецепция, Google Scholar

---

Наука обретает реальный смысл, когда ее рассматривают не как отвлеченную данность, а как итог работы всех поколений – и нынешнего, и тех, кого уже нет. Никакое научное положение, ни одно наблюдение, ни одна идея не существуют сами по себе. Любая идея есть результат усилий, затраченных кем-то, и, пока вы не узнаете, кто был этот человек, в какой стране он трудился, что он считал истиной, а что заблуждением, пока вы не узнаете все это, вы не сможете по-настоящему понять тот или иной научный тезис или факт, ту или иную идею<sup>2</sup>.

*Айзек Азимов. Зачем нужна история науки?*

«Много будет хлопот тем, кто после моей смерти будет издавать мои труды»<sup>3</sup>, – эти слова С.Б. Веселовский написал в заключительной части письма Н.В. Устюгову за несколько дней до своей смерти, предвосхищая те трудности, с которыми столкнутся его будущие издатели.

В сталинскую эпоху С.Б. Веселовского считали одним из крупнейших специалистов по истории допетровской России, посмертное издание его научного наследия только усилило интерес к изысканиям ученого. Его труды, впервые опубликованные в 1960–1990-е гг., были и остаются востребованы в историографии истории России XIV–XVI вв., а в постсоветскую эпоху стали привлекаться при подготовке студентов-историков. К XXI в. сложился образ его личности как идеального интеллектуала, оставшегося верным своим принципам, не предавшего идеалы истории как науки. Весомое влияние имеет научное наследие Веселовского на нынешнее состояние таких дисциплин, как генеалогия и ономастика, исследования по истории эпохи Ивана Грозного и землевладения в России допетровского периода. Таким образом, имеются основания рассматривать С.Б. Веселовского как классика исторической науки.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90015 «Интеллектуальная биография С.Б. Веселовского (1876–1952)».

<sup>2</sup> Азимов 1976: 50.

<sup>3</sup> Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками 2001: 493.

Вопросы историка направлены от настоящего к прошлому: относя исследователя к классикам, следует рассматривать актуальность его труда/трудов, несмотря на давность его/их создания. Труды С.Б. Веселовского оказали принципиальное влияние на советскую и, следовательно, российскую историографию, и его результаты применяются преимущественно в исследованиях по истории России XIV–XVI вв.

Научных трудов о классических исследованиях в исторической науке, особенно по сравнению с социологией, крайне мало. Отмечу сборник «Классика и классики...», который можно рассматривать как комплекс исследований, посвященных изучению классиков и классики в социальных и гуманитарных науках<sup>4</sup>. Как показано в статье И.М. Савельевой классика в исторической науке может присутствовать в разных формах: среди работ как историков, так и представителей других дисциплин<sup>5</sup>. Во введении к сборнику, подготовленном И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, отмечено, что классикой в социальных и гуманитарных науках являются те работы, которые одновременно соответствуют трем критериям: «1) считаются/называются классическими в научном сообществе; 2) изучаются в процессе обучения, т.е. в классах; 3) в явном виде используются в исследованиях современных авторов»<sup>6</sup>. Далее я рассмотрю труды С.Б. Веселовского на соответствие этим критериям.

Как отметила И.М. Савельева, историки, несмотря на глубокое почтение к своим предшественникам, крайне редко используют по отношению к ним понятие «классика» и чаще привлекают более осторожные для обозначения научного вклада эпитеты «выдающийся», «фундаментальный» и т.д.<sup>7</sup> Во многом данная проблема кроется в специфике самой истории, в которой, при условном делении исследований на практические/эмпирические и теоретико-методологические, крайне мало вторых. Например, в социологии классические исследования – это преимущественно теоретико-методологические работы, которые задали и продолжают задавать рамки для исследований. При новых условиях классика раскрывается по-новому, этим обеспечивая постоянное функционирование в науке. Труды С.Б. Веселовского привнесли методологическое новаторство в историографию в 1960–1980-е гг., когда многие из них были опубликованы. В историографии же XXI века они преимущественно рассматриваются как ценные практические исследования. Тем не менее упоминание о С.Б. Веселовском как о классике или о его работе в качестве классической присутствует в историографии<sup>8</sup>.

Необходимость привлечения научной работы в образовательном процессе для того, чтобы отнести ее к статусу «классики», не вызывает сомнений, особенно с учетом того, что она может рассматриваться для

<sup>4</sup> Классика и классики в социальном и гуманитарном знании 2009.

<sup>5</sup> Савельева 2009.

<sup>6</sup> Классика и классики в социальном и гуманитарном знании 2009: 6.

<sup>7</sup> Савельева 2009: 297.

<sup>8</sup> Кулешов 2009: 267; Поляков 2013: 155; Литвина, Успенский 2018: 336.

студентов, с одной стороны, как образец (например, по структуре текста или с точки зрения теоретико-методологических построений), а с другой – как источник новых идей<sup>9</sup>. Изучить то, какую литературу рекомендуют осваивать студентам и аспирантам в образовательном процессе, можно, прежде всего, через программы учебных курсов<sup>10</sup>. Изучение же данного вопроса через учебные пособия представляется менее продуктивным в связи с тем, что они, во-первых, предлагают обобщенные сведения, в которых могут быть лишь отсылки к классике, во-вторых, все реже используются в современном образовательном процессе, особенно в социогуманитарной сфере. Включение же классических работ в список литературы программы предполагает их непосредственное изучение студентами/аспирантами. Конечно, далеко не все работы, включенные в программу, являются классическими. Вероятно, формируя список литературы к курсу (или вступительным испытаниям/аттестациям) преподаватели руководствуются двумя тактиками, не исключаящими друг друга. Это отбор исследовательской литературы, в которой отражено современное состояние конкретной научной области (поэтому в программу часто включаются новые исследования), и/или включение в список фундаментальных работ, заложивших основы научного направления или дисциплины. Ряд трудов С.Б. Веселовского включены в программы учебных курсов или аттестаций МГУ, ЮФУ (Аспирантура) и ИРИ РАН (Аспирантура)<sup>11</sup>. Чаще всего, наличие большого количества ссылок и цитат может свидетельствовать об использовании трудов предшественников в более поздних исследованиях. Обратившись к двум приведенным графикам (рис. 1 и 2), можно увидеть, что работы Веселовского активно востребованы в историографии последних лет.

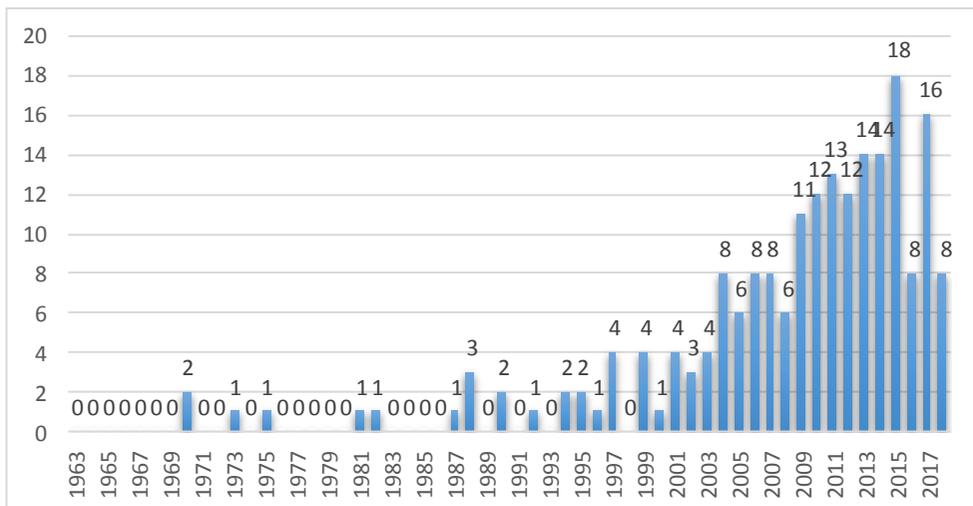
Согласно базе Google Scholar, общее число работ с ссылками на «Исследования по истории опричнины» (1963) и «Исследования по истории класса служилых земледельцев» (1969) С.Б. Веселовского – 225 и 290 соответственно (с периода публикации до 2018 г.), однако в нижеприведенном графике учтены в случае первой из упомянутых книг – 200 из них, а второй – 273 (не были учтены работы, в которых отсутствовали ссылки, цитаты и хоть какие-то конкретные упоминания об исследованиях Веселовского). С учетом ориентации исключительно на научную историографию, не были приняты в расчет «учебные» тексты: программы учебных дисциплин, а также работы учащихся средних и высших учебных заведений (в т.ч. квалификационные). Однако само по себе об-

<sup>9</sup> Савельева 2013: 289.

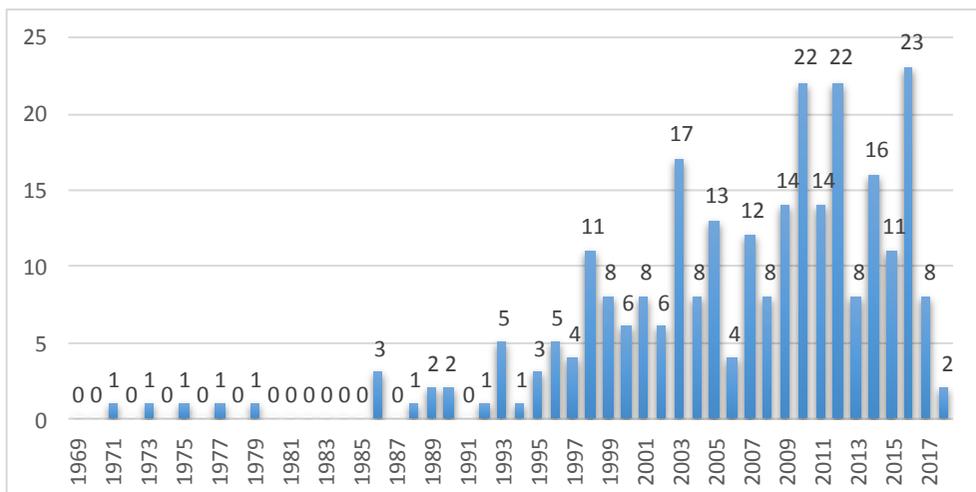
<sup>10</sup> В этом вопросе могут пригодиться и материалы для подготовки лекций, аудио- и видеозаписи лекций/семинаров, а также конспекты студентов/слушателей.

<sup>11</sup> Программа вступительных испытаний для поступления в аспирантуру (МГУ, Москва, 2018); Программа для сдачи кандидатского минимума по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» 07.00.09. (ИРИ РАН, Москва, 2019); Программа вступительного экзамена в аспирантуру по специальной дисциплине (ЮФУ, Ростов-на-Дону, 2018).

ращение в них к исследованиям С.Б. Веселовского свидетельствует об их востребованности в образовательном процессе.



**Рис. 1. Количество ссылок (по годам) на «Исследования по истории опричнины», 1963**



**Рис. 2. Количество ссылок (по годам) на «Исследования по истории класса служилых землевладельцев», 1969**

Безусловно, графики показывают лишь приблизительные данные о цитатах и ссылках на наиболее влиятельные работы Веселовского (в базу Google Scholar не включен ряд работ, обнаруженных в ходе дан-

ного исследования, а также некоторые работы на английском языке)<sup>12</sup>, тем не менее они могут свидетельствовать о высоком интересе к научному наследию историка в XXI в. Кроме того, согласно данным недавнего исследования, на платформе Web of Science труды Веселовского – одни из наиболее цитируемых (по крайней мере к 2013 г.) среди работ российских/советских историков, родившихся в 1876–1891 гг., и вместе с тем, чье акме как исследователей пришлось на советские годы: Б.Д. Греков – 286, Н.М. Дружинин – 240, С.Б. Веселовский – 184<sup>13</sup>.

По моему мнению, нередко цитаты и ссылки на выдающиеся работы выполняют «защитную» функцию: создавая низкокачественный текст, исследователь ссылается на авторитетный труд своего предшественника с целью оградить себя от критики. Другой причиной большого количества ссылок может быть привычный историкам историографический обзор/анализ работ предшественников. Поэтому полагаться исключительно на количественные показатели не следует, они дают весьма ограниченное представление о востребованности трудов без анализа характера ссылки/цитаты. Поэтому необходимо внести следующее уточнение: чтобы работа несомненно соответствовала третьему критерию, она должна способствовать формированию принципиально *нового научного знания* в последующей историографии. Например, определенные идеи, примеры/анalogии или методология в исследовании могут использоваться в качестве практики *рецепции*, как это было показано М.П. Вальц при анализе идей немецких ученых в работе «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского<sup>14</sup>. В ее исследовании характер упоминания ученых разделен на *историографическую практику, направленную на прошлое, и рецепцию, – на будущее*. Типичные примеры историографической практики – обобщение достижений предшественника либо предоставление справочных сведений. Рецепция же действует по принципу «стоя на плечах гигантов» и способствует созданию нового знания. Согласно М.П. Вальц, *заимствование* может рассматриваться как одна из разновидностей рецепции ввиду того, что использование разработок предшественников может быть необходимо для создания собственных построений<sup>15</sup>. В приведенных ниже примерах заимствованы некоторые исследовательские заключения из работ Веселовского, послужившие формированию отдельных гипотез или интерпретаций.

Характер упоминания в историографии XXI в. выделенных работ С.Б. Веселовского весьма разнообразен, но чаще всего он касается типичной историографической практики. Реже цитируются фрагменты из упомянутых работ в качестве *заимствования*. Как, например, при рассмотрении М.М. Кромом вопроса о жертвах после старицкого мятежа:

<sup>12</sup> О преимуществах и недостатках базы Google Scholar для подсчета ссылок/цитат на научные исследования: Плешков 2018.

<sup>13</sup> Ростовцев, Шишов 2013: 141.

<sup>14</sup> Вальц 2015: 22-23.

<sup>15</sup> Там же: 76.

«По весьма вероятному предположению С.Б. Веселовского, жертв среди Колычевых, возможно, было еще больше, так как в этом поколении родословные книги называют среди них слишком много бездетных (23 – на 41 человека)»<sup>16</sup>. Или в одном из фрагментов исследования Д.М. Володихина, где речь идет об опричном воеводе И.И. Бухарине-Наумове: «Для темы настоящего исследования важен один нетривиальный вывод Веселовского: хотя Бухарины и являлись отраслью “старого рода коломенских вотчинников”, т.е. “дворянской фамилией”, но выдвижение Ивана Ивановича на воеводский пост в 1569 г. “было исключительным назначением” <...> Но сам же Веселовский, пусть и без ссылки на источники, упоминает, что И.И. Бухарин-Наумов неоднократно бывал в походах, причем не только в качестве дьяка, но и в качестве воинского головы <...> Таким образом, опыт военного командования у него был, и он в таком случае не может рассматриваться в качестве человека, поставленного служить в той сфере деятельности, которая ему совершенно незнакома. С этой точки зрения представляется весьма важным оценить опыт командной деятельности Ивана Ивановича»<sup>17</sup>.

Определяющим фактором внимания историков к трудам С.Б. Веселовского стала поэтапная публикация его научного наследия, преимущественно в 1960–1970-е гг.<sup>18</sup> В этот период, с одной стороны, наблюдался интерес к вспомогательным историческим дисциплинам в целом и генеалогии с ономастикой в частности, а с другой – в связи с возросшей степенью свободы научного творчества по сравнению со сталинской эпохой историки все чаще стали обращаться к темам, ранее не рекомендованным к изучению. Идеи С.Б. Веселовского существенно выделялись на фоне имевшейся тогда историографии. Нередко его труды привлекались в дискуссиях по истории опричнины. Как отметили авторы некролога Р.Г. Скрынникову, концепции опричнины, сформулированные С.Б. Веселовским, А.А. Зиминым и Р.Г. Скрынниковым, являются «классическим историографическим сюжетом, в котором отразились и методологические, и мировоззренческие позиции трех историков»<sup>19</sup>.

Как правило, распространение идей исследователя продолжается благодаря его ученикам. В случае же С.Б. Веселовского, в качестве агентов, помимо публикаторов его трудов, выступили такие историки как А.А. Зимин, В.Б. Кобрин и М.Е. Бычкова, которые продолжили наченные им изыскания, и в то же время распространяли влияние его научного наследия.

<sup>16</sup> Кром 2010: 206.

<sup>17</sup> Володихин 2011: 248.

<sup>18</sup> Публикация научного наследия, безусловно, продолжилась и в 1980–1990-е гг., но все же именно в 1960–1970-е гг. вышли наиболее востребованные в историографии исследования историка: «Исследования по истории опричнины» (1963), «Исследования по истории класса служилых земледельцев» (1969), «Ономастикон» (1974), «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.» (1975).

<sup>19</sup> Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова 2010: 203.

С конца 1990-х гг. стало появляться все больше источников личного происхождения, связанных с С.Б. Веселовским: его дневники, частная переписка с коллегами-историками, воспоминания. В совокупности они позволили основательнее изучить лабораторию исследователя, связать его научные изыскания с жизненными обстоятельствами и глубже понять его как личность, которая, исходя из стремления сохранить свой профессионализм, существенно отличалась на фоне многих современников и коллег по цеху. Такой образ С.Б. Веселовского стал усиливаться с 1990-х гг. во многом из-за книги «Кому ты опасен, историк?», в которой В.Б. Кобрин рассматривал старшего коллегу как исследователя, сумевшего сохранить «внутреннюю свободу» и «мужественную стойкость» в сталинскую эпоху<sup>20</sup>. Схожий образ исследователя сохранился в памяти других историков: достаточно отметить мемуары А.А. Зимина, в которых личность С.Б. Веселовского была рассмотрена, одна из немногих, в положительном ключе<sup>21</sup>; воспоминания Л.В. Черепнина, где отражен его образ как кропотливого историка<sup>22</sup>; высоко оценивал его научное наследие и М.Н. Тихомиров, записавший в дневнике 26 января 1952 г.: «С.Б. Веселовский в области изучения документов был по-своему новатор. Разрядные книги, синодики, копиянные книги он первый ввёл в оборот»<sup>23</sup>. С большим пиететом к нему относился и А.Л. Станиславский, один из публикаторов его трудов. В интервью 1989 г., проведенном студентами I-го курса МГИАИ, А.Л. Станиславский высоко отзывался о нем: «Не поступив в аспирантуру, я пришел в Архив Академии наук. Там я занимался комплектованием и описанием личных фондов, а позднее публикацией трудов *крупнейшего историка нашего столетия С.Б. Веселовского* (курсив мой. – Т.Х.)»<sup>24</sup>.

В историографии ХХI в. усилился интерес к личности С.Б. Веселовского. Он стал одним из наиболее привлекательных историков в исследованиях, посвященных истории советской исторической науки<sup>25</sup>, что говорит об интересе не только к его трудам как конечному продукту, но и к процессу и обстоятельствам создания этого продукта, личным качествам и убеждениям их создателя.

В постсоветской историографии исследователи все чаще отмечают наличие фактических ошибок в трудах С.Б. Веселовского. Однако в историографии ХХI в. значимость его научного наследия определяется не точностью приведенных фактов<sup>26</sup>, а тем, что, по мысли Ф. Анкерсмита, отличает наше отношение к выдающимся историкам прошлого: «Мы восхищаемся великими историками, вроде Ранке, Токвиля, Буркхардта,

<sup>20</sup> Кобрин 1992.

<sup>21</sup> Судьбы творческого наследия отечественных историков... 2015: 147–156.

<sup>22</sup> Черепнин 2015: 89–91.

<sup>23</sup> АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 3. Л. 7об.

<sup>24</sup> Станиславский, Простоловцова 1990: 56.

<sup>25</sup> Ввиду большого количества таких исследований, отмечу лишь некоторые из них: Тихонов 2012; Сидорова 2017; Дубровский 2018.

<sup>26</sup> Это, прежде всего, относится к трудам, опубликованным впервые посмертно.

Хейзинги, Мейнеке или Броделя, не из-за точности данных ими описаний и объяснений исторических событий, но из-за предложенных ими панорамных интерпретаций больших частей прошлого»<sup>27</sup>. «Панорамные интерпретации» С.Б. Веселовского были связаны с историей родословия преимущественно допетровской эпохи. По подсчетам А.Л. Корзинина, в личном фонде С.Б. Веселовского в Архиве РАН по сей день хранятся генеалогические таблицы и поколенные росписи более 1,5 тыс. родов служивых людей Удельной Руси и Московского государства<sup>28</sup>. Работы Веселовского, особенно в 1960–1980-е гг., способствовали усиленному интересу к генеалогическим исследованиям.

Особенность классических трудов заключается не только в тех смыслах, которые были заложены автором, но и в том, как они преподнесены. Как отметила И.М. Савельева: «...классические сочинения могут являть собой “образцы совершенства”, в которых важны не столько сами теории, методы или аналитические процедуры, сколько эстетика интеллектуального продукта. Существует ряд оснований для признания работы совершенной: литературный дар автора, способность увлечь блистательными прорывами в исследовании, элегантность теоретических построений»<sup>29</sup>. Изданные посмертно научные труды С.Б. Веселовского стали «образцами совершенства» во многом благодаря дискурсу и стилю письма. Французские социологи Л. Тевено и Л. Болтански, сформировавшие концепт «мир репутации», отмечали специфические черты «существо» этого мира. На мой взгляд, они вполне применимы и для характеристики классиков. Общим для «существо мира репутации» и классиков является то, что они, выражаясь словами французских социологов, *«выделяются, являются заметными, известными, признанными, прославленными»* (они “лишены банальности”). Их заметность зависит от того, насколько они *бросаются в глаза, привлекают к себе внимание, являются убедительными и говорящими сами за себя»*<sup>30</sup>.

Формировавшийся с 1920-х гг. «советский язык» быстро проник во все сферы жизни СССР, включая науку. Этот язык имел, как правило, ритуальный характер и опирался на советские/коммунистические символы, особенно в официальном дискурсе. В исследовательской литературе это чаще всего выражалось в «штампах» – ссылках на классиков марксизма-ленинизма и употреблении терминологии, присущей советской идеологии. Труды С.Б. Веселовского написаны языком, лишенным идеологической нагрузки, в них отсутствуют подобные элементы «советского языка», что отличает их от львиной доли исторических работ советской эпохи. С.Б. Веселовский излагал мысли, исходя из научных принципов, сформированных у него еще в дореволюционные годы, уже тогда он проявлял себя как неуступчивый исследователь, стремившийся

<sup>27</sup> Анкерсмит 2009: 102.

<sup>28</sup> Корзинин 2014: 133.

<sup>29</sup> Савельева 2009: 326.

<sup>30</sup> Болтански, Тевено 2013: 282.

к истине, а в 1920–1950-е гг. он сохранил свой профессионализм. Его дискурс имел эмоциональные черты, что несвойственно научному стилю, но с другой стороны, он успешно балансировал эту специфику со строго выстроенным критическим анализом. Способ изложения исследовательского материала С.Б. Веселовским с опорой на широкую базу источников привлек внимание и более чем положительно был воспринят не только историками, но и учеными других специальностей.

В качестве наглядного примера приведу фрагмент из статьи филолога и литературного критика Л.И. Шинделя (лит. псевдоним – Л. Лазарев), в котором автор рассуждает о необходимости освоения навыков исторической науки для специалистов в области истории советской литературы: «Читая том “Горький и советские писатели”, думая о том, как следовало бы по-хозяйски использовать эти материалы, я вспоминал – как это ни обидно – не труды литературоведов, а только что вышедшую работу покойного академика С. Веселовского “Исследования по истории опричнины”, которая, ясно выделяясь и среди трудов историков, может, как мне кажется, служить блестящим образцом строго критической оценки и скрупулёзнейшего использования всех доступных исторических источников, умения извлечь из исторического документа или факта максимальный коэффициент полезного действия. Вот чему историку советской литературы надо учиться в первую очередь»<sup>31</sup>. Важную роль в сохранении стиля С.Б. Веселовского сыграли публикаторы его трудов, которые в основном корректировали орфографические ошибки и сформировали обстоятельный научно-справочный аппарат.

В работе И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «Классическое наследие» приведено множество примеров того, как научные работы становятся классическими. В их исследовании выделяется категория классических трудов, которую можно отнести к «фундаментальным». Эти труды формируют основу того или иного направления в исследовании и их используют «как источник гипотез для проведения эмпирических исследований и разработки более узких историографических концепций»<sup>32</sup>. Они остаются актуальными до тех пор, пока научное направление или тематика все еще вызывает интерес со стороны научного сообщества. Труды С.Б. Веселовского по генеалогии в историографии начала XXI в. не оказывают столь весомого влияния, как в период посмертной публикации его трудов, в 1960–1990-е гг., и все же интерес к ним сохранился. Исследователи продолжают обращаться к научному творчеству С.Б. Веселовского в т.ч. из-за его влияния на труды последователей – А.А. Зимина, В.Б. Кобринина, М.Е. Бычковой и ряда других историков, чьи труды до сих пор не утратили научной значимости. Безусловно, исследователи не утратили интерес к эпохе и личности Ивана Грозного. По этой причине трудно обойти вниманием исследования С.Б. Веселовского по этой теме, отличавшиеся более строгой оценкой политики царя,

<sup>31</sup> Шиндель 1964: 29. (Курсив мой. – Т.Х.).

<sup>32</sup> Савельева, Полетаев 2010: 204.

чем большинство работ его современников. Отдельно следует отметить личность и профессионализм С.Б. Веселовского, вызывавшие и продолжающие вызывать симпатии в научном сообществе. В источниках личного происхождения историков и постсоветской историографии зафиксирован его образ как безупречного представителя своей профессии, – историка, который, несмотря на идеологическое давление в сталинский период, отстаивал идеалы истории как науки.

### БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Азимов А. Зачем нужна история науки? // Химия и жизнь. 1976. № 10. С. 49–51 [Azimov A. Zachem nuzhna istoriya nauki? // Khimiya i zhizn. 1976. № 10. S. 49–51].
- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М.А. Кукарцева, Е.Н. Коломоец, В.Е. Кашаев. М.: Канон+, 2009. 400 с. [Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory / per. s angl. M.A. Kukartseva. E.N. Kolomoyets. V.E. Kashayev. M.: Kanon+, 2009. 400 s.].
- Архивы Российской академии наук (РАН). Ф. 693. Оп. 6. Д. 3 [Arkhivy Rossiyskoy akademii nauk (ARAN). F. 693. Op. 6. D. 3].
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с фр. О.В. Ковенева; науч. ред. перевода Н.Е. Коросов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с. [Boltanski L., Teverno L. Kritika i obosnovaniye spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov / per. s fr. O.V. Koveneva; nauch. red. perevoda N.E. Korosov. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2013. 576 s.].
- Вальц М.П. Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 265 с. [Valts M.P. Retseptsiya idey nemetskiikh uchennykh v rabote A.S. Lappo-Danilevskogo «Metodologiya istorii»: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2015. 265 s.].
- Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 296 с. [Volodikhin D.M. Sotsialnyy sostav russkogo voyevodskogo korpusa pri Ivane IV. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2011. 296 s.].
- Дубровский А.М. Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. М.: ЦИОГНИС, 2018. 280 с. [Dubrovskiy A.M. Istoriki v 1930-kh gg.: sudby i vospriyatiye zhizni. M.: TsIOGNIS, 2018. 280 s.].
- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с. [Klassika i klassiki v sotsialnom i gumanitarnom znanii. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009. 536 s.].
- Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. [Kobrin V.B. Komu ty opasen, istorik? M.: Moskovskiy rabochiy, 1992.].
- Корзинин А.Л. Материалы по истории феодального сословия России XIV–XVII вв. в архивных фондах С.Б. Веселовского // Вестник Санкт–Петербургского ун-та. Серия 2: История. 2014. Вып. 4. С. 133–142 [Korzinin A.L. Materialy po istorii feodalnogo sosloviya Rossii XIV–XVII vv. v arkhivnykh fondakh S.B. Veselovskogo // Vestnik Sankt–Peterburgskogo un-ta. Seriya 2: Istoriya. 2014. Vyp. 4. S. 133–142].
- Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с. [Krom M.M. «Vdovstvuyushcheye tsarstvo»: Politicheskiy krizis v Rossii 30-40-kh godov XVI veka. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. 888 s.].
- Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М.: Территория, 2009. 328 с. [Kuleshov A.S. Aksakovy. Istoriya razbitykh sudeb. M.: Territoriya, 2009. 328 s.].
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русская христианская двуименность в филологической перспективе – из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavistica Revija. 2018. Т. 66. № 3. С. 333–354 [Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Russkaya khristianskaya dvuimennost v filologicheskoy perspektive – iz onomasticheskogo komentariya k «Vremenniku» Ivana Timofeyeva // Slavistica Revija. 2018. T. 66. № 3. S. 333–354].
- Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова // Российская история. 2010. № 1. С. 203–205 [Pamyati Ruslana Grigoryevicha Skrynnikova // Rossiyskaya istoriya. 2010. № 1. S. 203–205].

- Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М.: Древлехранилище, 2001. 528 с. [Perepiska S.B. Veselovskogo s otechestvennymi istorikami. M.: Drevlekhranilishche, 2001. 528 s.].
- Плешков А.А. Классикализация и рецензирование в современной аналитической теологии: случай неозетернализма // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 148–163 [Pleshkov A.A. Klassikalizatsiya i retsenzirovaniye v sovremennoy analiticheskoy teologii: sluchay neoeternalizma // Novoye literaturnoye obozreniye. 2018. № 150. S. 148–163].
- Поляков И.А. С.Б. Веселовский и его наследие в историографии и памяти общества // Клио. 2013. № 12. С. 153–157 [Polyakov I.A. S.B. Veselovskiy i ego naslediyе v istoriografii i pamyati obshchestva // Klio. 2013. № 12. S. 153–157].
- Программа вступительного экзамена в аспирантуру по специальной дисциплине (ЮФУ, Ростов-на-Дону, 2018) [Programma vstupitelnogo ekzamina v aspiranturu po spetsialnoy distsipline (YuFU, Rostov-na-Donu, 2018)] URL: <https://www.sfedu.ru>
- Программа вступительных испытаний для поступления в аспирантуру (МГУ, Москва, 2018). [Programma vstupitelnykh ispytaniy dlya postupleniya v aspiranturu (MGU, Moskva, 2018). URL: <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/648j>].
- Программа для сдачи кандидатского минимума по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» 07.00.09. (ИРИ РАН, Москва, 2019). [Programma dlya sdachi kandidatskogo minimuma po spetsialnosti «Istoriografiya, istochnikovedeniye i metody istoricheskogo issledovaniya» 07.00.09. (IRI RAN, Moskva, 2019)]. URL: [http://www.iriran.ru/sites/default/files/istoriogr\\_2019.pdf](http://www.iriran.ru/sites/default/files/istoriogr_2019.pdf)].
- Ростовцев Е.А., Шишов В.О. С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI в. // Клио. 2013. № 10. С. 138–144 [Rostovtsev E.A., Shishov V.O. S.N. Valk v nauchno-informatsionnom prostranstve v kontse XX – nachale XXI v. // Klio. 2013. № 10. S. 138–144].
- Савельева И.М. Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 294–331 [Savelyeva I.M. Klassika v istoriografii: formy prisutstviya // Klassika i klassiki v sotsialnom i gumanitarnom znanii. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009. S. 294–331].
- Савельева И.М. Классическое наследие в структуре университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 285–300 [Savelyeva I.M. Klassicheskoye naslediyе v strukture universitetskoy pamyati // Sosloviye russkikh professorov. Sozdатели statusov i smyslov. M.: Izd. dom VShE, 2013. S. 285–300].
- Савельева И.М., Поletaев А.В. Классическое наследие. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 336 с. [Savelyeva I.M., Poletayev A.V. Klassicheskoye naslediyе. M.: GU-VShE, 2010. 336 s.].
- Сидорова Л.А. Советские историки. Духовный и научный облик. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с. [Sidorova L.A. Sovetskiye istoriki. Dukhovnyy i nauchnyy oblik. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 248 s.].
- Станиславский А.Л., Простоволосова Л.Н. История кафедр вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие. М.: МГИАИ, 1990. 71 с. [Stanislavskiy A.L., Prostovolosova L.N. Istoriya kafedry vspomogatelnykh istoricheskikh distsiplin: uchebnoye posobiye. M.: MGIAI, 1990. 71 s.].
- Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. 440 с. [Sudby tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroy poloviny XX veka. M.: Akvarius, 2015. 440 s.].
- Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.: ИРИ РАН, 2012. 390 с. [Tikhonov V.V. Moskovskiyе istoriki pervoy poloviny XX veka: nauchnoye tvorchestvo Yu.V. Gotye. S.B. Veselovskogo. A.I. Yakovleva i S.V. Bakhrushina. M.: IRI RAN, 2012. 390 s.].
- Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. М.: Языки славянской культуры, 2015. Т.1. 400 с. [Cherepnin L.V. Moya zhizn. Vospominaniya. Kommentarii. Prilozheniya. M.: Yazyki slavyanskoй kultury, 2015. T.1. 400 s.].
- Шиндель Л.И. Ожившая история // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 11–31 [Shindel L.I. Ozhivshaya istoriya // Voprosy literatury. 1964. № 4. S. 11–31].

*Холматов Темурмалик Комилдждонович, аспирант, НИУ «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева (ИГИТИ); timur.kholmatoff@yandex.ru*

### **The Classicization of S.B. Veselovskiy's heritage<sup>33</sup>**

The author uses the three criteria of academic classics proposed by I.M. Savelyeva and A.V. Poletaev and analyzes the factors, which made it possible to define the works by a historian S.B. Veselovskiy (1876–1952) as classical ones. The scientometric database Google Scholar (Google Academy) reveals the dynamics and nature of the researchers' enquiries for the works by S.B. Veselovskiy. The reasons for the formation of his works as classical are considered: internal (academic discourse of the researcher) and external (circumstances of publication of his works since the 1960s; actualization of works in Soviet and post-Soviet historiography). Special attention is paid to the perception of academic heritage and personality of S.B. Veselovskiy in the memory of historians of the Soviet era.

**Keywords:** *S.B. Veselovskiy, classics, classicalization, historiography, genealogy, reception, Google Scholar.*

*Temurmalik Kholmatov, Postgraduate Student, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), Research Assistant, Poletaev Institute for Theoretical Historical Studies in the Humanities (IGITI); timur.kholmatoff@yandex.ru*

<sup>33</sup> Funding: The study was funded by RFBR, project number 20-39-90015 «Intellectual Biography of S.B. Veselovskiy (1876–1952)».